

Василь Быков - Пойти и не вернуться

Шёл снег. Путница брела по замерзшему болоту, все больше начиная беспокоиться. Посылавшие её тоже не рассчитывали на снегопад, неожиданно начавшийся часа два назад. Теперь за Зоськой тянулся отчетливый след, но его вскоре скроет снег. Хуже, что она заблудилась. Ожидаемой лесничевки все не было видно, вокруг тянулось унылое незнакомое болото. Спросить некого — до ближайшей деревни километров восемь. Оружия с собой не дали — оно могло провалить задание, по той же причине не дали ей и компаса. У нее был паспорт и немецкий аусвайс, очень потрепанный, вероятно, многие им пользовались. Документ на имя Аделаиды Августевич, Зоське очень нравилось имя. А то — Зося Нарейко, хотя каждому — свое. Ей предстояло перейти болото, перебраться через небольшую речушку и выйти на Скидельский шлях — там уже начнутся знакомые места. Там будут свои опасности, но здесь оказалось страшнее: в неясных сумерках болото, казалось, наполнилось чудищами. Подходя ближе, Зоська видела заснеженную кочку или корягу, чему еще быть в эту пору на болоте. Однако с темнотой рос и страх. Девушка гнала от себя навязчивые мысли, в это время следовало бояться людей, а здесь пустынное болото, ненастный осенний вечер, и все.

Снегопад будто бы поредел, неожиданно из-под ног метнулся заяц, заставивший девушку замереть от ужаса. Оглянувшись, она испугалась еще больше, так как отчетливо увидела силуэт человека. Потом ей подумалось, что она обозналась. Зоська стремительно зашагала вперед, не разрешая себе оглядываться. Болото кончилось, где-то впереди должна быть речка. Надо поискать брод или узкое место, чтобы перебраться на другой берег. Зоська оглянулась — никого не было видно. Теперь следовало подумать, как преодолеть речку, поискать подходящую жердину и попытаться перейти по ней. Девушка обошла несколько деревьев, пробуя рукой прочность их шершавых ветвей, и, бросив взгляд в поле, увидела человека, идущего по её следам. Сумерки мешали рассмотреть идущего, ясно было только, что идет уверенный мужчина, знающий свою цель. Зоська поняла, что идущий её тоже видит, ей оставался один путь — за реку. Следовало торопиться, она выломала под самый корень небольшое деревце и решила «перебежать» по этой ненадежной опоре на другой берег, но тут же соскользнула и упала в реку, провалившись по пояс. Сверху раздался голос: «Зоська, стой! Ты что, сдурела?» Она замерла, узнав голос Антона — партизана из их отряда. Он помог девушке выбраться из реки. Зоська удивилась, откуда здесь быть Голубину, которого она три дня назад начала называть Антоном. Зоська объяснила, что очень испугалась преследования, оттого и кинулась в реку. Антон приказал ей бежать за ним, чтобы согреться. Девушка чувствовала, что ноги деревенеют, юбка замерзла и стал колом. Зоська пыталась расспросить Антона, каким образом он оказался рядом. Но он лишь ответил: «Да ничего. Хорошо вот — подоспел. А то бы...» Она не могла взять в толк, почему он оказался за десятки километров от лагеря, на задание её

посылали одну, о Голубине не было и речи. Бежать нет сил, но останавливаться нельзя — замерзнешь. Зоська вспомнила, как утром они простились с Антоном. Она не могла сказать, куда идет, лишь пообещала вернуться недели через две. Зоська хотела сказать, что ей надо за речку, но сначала, действительно, нужно было обсушиться, и она с радостью ухватилась за эту участливую помощь. Антон знал, где-то недалеко деревня, там можно обсушиться. Он посоветовал переходить речку у лесничевки. Зоська и собиралась, но из-за снегопада заблудилась. Антон усмехнулся: еще не вышла из зоны и уже заплутала. «Как же ты там будешь, разведчица?» Ей нечего было ответить. Но не испугайся его, Зоська не полезла бы в речку, тут уж винить некого. На бегу Антон оглянулся и понял, что деревня осталась в стороне. Голубин стал недовольно ворчать на Зоську, что из-за нее сбились с дороги, а ей хотелось крикнуть, что не будь его, она не испугалась и не полезла бы в ту речку, но сдержалась, решила, что как-нибудь сама выберется. Антон увидел стожок и позвал девушку. В сене можно было обсушиться и переночевать в тепле. В первом стоге сено слежалось и не поддавалось их озябшим пальцам, зато во втором был готов лаз. Антон приказал Зоське забраться в стог, снять мокрую одежду и завернуться в его козух (полушубок). Пока девушка стаскивала с себя мокрые сапоги, чулки, юбку, Антон заделывал лаз. Он весело пообещал, что скоро надышат и смогут просушиться. Антон улегся, прижавшись к завернувшейся в козуху Зоське. Она спросила Антона, куда он идет? Голубин ответил, что им почти по пути. Зоську пугало близкое соседство Антона, она впервые оказалась в такой ситуации: с одной стороны — он её спаситель, но что у него на уме, она не ведала и решила держаться по возможности строже. Антон пообещал, что вскоре Зоська согреется. «Лучше, чем на печке в избе». Без всякой связи он вдруг спросил, помнит ли она Заглядки? Какие там устраивались вечеринки. Кузнецов воевать и погулять любил. «Молодой был, — ответила Зоська. — А уж нет ни Кузнецова, ни многих».

— Кто знает, и нас скоро не будет, — отозвался Антон.

Зоська зябко поежилась от такой перспективы. Ей не хотелось умирать. Нельзя об этом думать, идя на задание. Антон согласился, думать о смерти приходится — война, а говорить не обязательно. Завернувшись в козуху, Зоська постепенно согрелась и стала дремать.

Неожиданно её разбудил голос Антона, вспомнившего, как хорошо она танцевала с ним, тогда и приглянулась. Он спросил, откуда Зоська родом. И она ответила, что из Скиделя, она там жила с матерью. Антону знакомы те места. Осенью он ходил в рейд с Кузнецовым. Голубин спросил, значит, Зоська повидается с матерью, но девушка не знала, удастся ли свидеться. Ведь она не в гости идет, а на задание. Антон ответил, что в Скиделе у него дружок живет. Зоська поинтересовалась, кто такой? Голубин ответил, что вряд ли она его знает, он новый человек, недавно поселившийся в тех краях. Зоська согласилась — она ведь перед войной жила в Новогрудке, училась в техникуме.

Антон, повернувшись на сене, обнял её за плечи. Зоська попыталась

отстраниться. Отдав ей кожух, Антон стал мерзнуть, поэтому покрепче прижал девушку к себе, отговорившись, что так теплее. Зоська похвасталась, что она сильная, знает приемы рукопашного боя. Антон ответил, что лучше бы ей дали оружие, наверняка не разрешили взять, да документы надежные. Зоська возразила, у нее потрепанный аусвайс. Голубин ответил, что потрепанным документам больше веры. Он признался, что у него револьвер системы наган — самый надежный документ. Зоське не понравилось, что Антон идет с оружием, знают ли об этом в партизанском штабе? Голубин ответил: «Я сам лучше знаю, с чем идти». Он посоветовал девушке держаться его, с ним не пропадет. Антон ласково признался, что после их утренней встречи не мог себе места найти, так испугался за Зоську. Ей было приятно, что Антон переживает и боится за нее. Голубин попытался обнять девушку, но она слишком решительно отклонила его ласки. Антон усмехнулся: «Спать будем»; пусть Зоська не боится его, он пошутил. Зоська спросила, может быть, Антон дальше пойдет один? «Пока погожу», — ответил Голубин. Они почти поссорились, что Зоське совсем не хотелось. Зарывшись в сено, Антон сделал вид, что заснул. Вдвоем под кожухом было бы теплее, но он отодвинулся от девушки, чтобы не подумала, что ради этого бежал за ней. Хотя он был мужчина, и она немало влекла его своей юной женственностью. Теперь Голубин и не помнил, когда впервые всерьез обратил на нее внимание, может быть, в Заглядках, когда танцевал с Зоськой, или когда их отряд оставил обжитой лагерь и перебазировался на болото. После долгого марша все проголодались и продрогли, командир взвода выделил троих оборудовать отрядную кухню. Двое пошли за водой, а Антон принялся за устройство очага — топки, он с запалом взялся копать, угрелся, вспотел и решил снять полушубок, тут и увидел Зоську, спросил: «Помогать пришла?» Она ответила, что такому работнику помощь не нужна, отсыпала ему в ладонь сушеного гороха и пошла прочь. Тогда Антону подумалось: «Славная девчонка!»

Всю осень были задания, Антону было не до Зоськи. Голубин по натуре был не из слабонервных, выдержки у него хватало. Постоянные бои и опасность закалили его, не было случая, чтобы Антон испугался или растерялся. Хотя кое-кто в отряде склонен был обвинять его в гибели командира. Но там Антон не был виновен ни в чем. Напротив, своей находчивостью он спас четверых, первым выпрыгнув с чердака и крикнув остальным: «Прыгайте!» Они, задыхаясь в дыму и отстреливаясь от наседавших полицаев, едва ушли. Кузнецов и ординарец редко стреляли из подвала, куда полицаи швыряли гранаты. Наверное, командир был ранен и не мог выскочить, но что могли сделать они, четверо, «против трех десятков обнаглевших бобиков?». Голубин уважал и ценил Кузнецова, ему до слез было жалко толкового и смелого командира. Отправляясь по делам, в разведку, на операции и гулянки, Кузнецов всегда брал с собой шестерых партизан, в числе которых с лета стал ездить и Голубин. Теперь от этой шестерки, кажется, никого не осталось. Вначале было нелегко. Отряд собирался из разных людей — районного актива и НКВД, красноармейцев-окруженцев, бежавших военнопленных и местных смельчаков. Кузнецов проверял людей в бою, где

они добывали оружие, показывали свое умение и смекалку. При Кузнецове Голубин командовал взводом, после гибели командира Антона понизили до рядового. К осени люди пообтерлись, начали воевать с толком — а тут нелепая смерть командира. «С сентября отряд вошел в свою темную полосу, беды так и посыпались на него, одна хуже другой». Погиб командир и трое человек его группы, затем ушла и не вернулась диверсионная группа Кубелкина. Не успели погоревать над лучшими бойцами, как отряд выступил громить немецкий гарнизон на станции и попал под организованный огонь врагов — понес большие потери. Хлопцы приуныли, связи с Москвой не было, ходили разные тревожные слухи о боях под Сталинградом. Однажды Голубин услышал разговор Ковша, бывшего милиционера из Вилейки, с майором о Сталинграде, рассматривали карту из школьного учебника. Увидя карту, Антон поразился — Сталинград находился в самой глубине России. «С ума сойти можно — как далеко зашли немцы!..» Несколько дней Голубин ходил совершенно убитый, он понимал, что судьба города предрешена. Так зачем они тут, в этом лесу? Что им тут делать и что их ждет в скором будущем? Правда, Сталинград все еще держится, но сколько это может продлиться? Все это очень угнетало партизана». А тут еще пропала группа Кубелкина. Голубин понял, что Зоська послана на поиски следов группы. Девушка все время приветливо улыбалась, казалось, её не трогают напасти. Разве она не догадывается, что её ждет? Короткая встреча с Зоськой перед её уходом на задание перевернула всю жизнь Антона.

Среди ночи Зоська проснулась, вспомнила о случившемся. Она усмехнулась своей удаче — встрече с тем самым, кто уже заронил в её душу искорку интереса к себе. Ей было приятно, что за нее кто-то тревожится и переживает, может, любит. Она подумала, что Антон Голубин хороший человек: пришел к ней на помощь в самую нужную минуту.

Вначале Зоська выполняла в отряде обязанности сиделки при раненых, потом стала помогать на кухне. Теперь её услуги понадобились Дозорцеву, готовящему из девушки связную. Это опаснее, но и почетнее, чем на кухне. Она уже второй раз шла туда, откуда не всегда возвращались.

Зоська осторожно выбралась из стожка. Кругом стояла тишина, чуть подмораживало. Девушка забежала за стожок, а потом вернулась к лазу. Здесь было тепло, но утром надо уходить. Антон, наверное, найдет способ переправиться. Зоська подумала, сколько ему может быть лет? «Наверное, уже под тридцать, почти старик против нее». Вскоре угревшись, она опять крепко уснула. Во сне ей было тревожно. Кто-то родной для нее человек был одновременно «будто ангел и дьявол», он неуловим, и это особенно мучило Зоську. Затем она увидела сон, будто карабкается по скалам, которых наяву никогда не видела, отчетливо ощущает за спиной бездну, тщетно ищет опору рукам и ногам, хочет закричать, но нет голоса. Вдруг сверху протягивается медвежья лапа с когтями. Зоська пугается этой лапы больше, чем пропасти, срывается вниз и сдавленно кричит. Но за несколько секунд до гибели просыпается в холодном поту. Сон озадачивает и пугает Зоську. Антона рядом уже нет — он стоит снаружи и зовет её на зарядку. Зоська торопливо надевает полусырые вещи и вылезает из лаза. Антон попытался

попасть в нее снежком, но Зоська легко уклонилась. Голубин пригласил её умыться снегом: «Кто первым снегом умоется, всю зиму простужаться не будет! А ну!» Он подошел и сам растер её лицо снегом. Девушка недовольно отпрянула. Антон поинтересовался, высохла ли её одежда. Зоська ответила, что вещи еще влажные. «Ничего, на морозе быстро высохнут», — успокоил Антон. Он постепенно выяснил, что Зосе надо переправляться через Неман, для этого ей дали пароль. Девушка предложила Антону спрятать наган в стогу, но он отказался. Оружие еще может пригодиться. Зоська боится, она верит в предчувствия и предсказание вещего сна. Антону смешно, что комсомолка верит таким пустякам. «Куда ночь, туда и сон», — и выбрось ерунду из головы. Но Зоська вспомнила, как накануне немецкой облавы ей приснился сон, будто её настигает немецкая овчарка, а утром Кузнецов едва успел увести отряд за болото. Вот и не верь «во всякие предрассудки». Антон ответил, что жизнь гораздо хуже снов, да еще командир отряда попался непутевый — из бывших штатских. Вот Кузнецов был хорошим командиром, умел людей беречь, а не просто исполнять приказы центра. Антон уверен, что с немцами воевать сложно, у них сила и мощь. Зоська была «маленьким человеком», но она верила в идеалы добра и справедливости, «которые по-хамски и враз растоптали фашисты». Она их ненавидела за убийство безвинных людей. И сказала себе, что жить на одном свете с этим зверьем невозможно, что она будет вредить им, как только сумеет, если они не порешат её раньше. Поэтому ушла в партизаны и уже восемь месяцев нет для нее другой жизни, кроме лесной, полной опасности, голода, холода — кроме войны.

Разговаривая, подошли к реке. Антон стал искать подходящее для переправы место, заметил бобра, деловито снующего по реке. Спугнутый Антоном бобер спрятался в свою хатку. Голубин увидел запруду, устроенную бобрами. Здесь можно было перебраться. Он перескочил на другой берег, а Зоська боялась недопрыгнуть. Тогда Голубин ступил в воду и поймал прыгнувшую девушку. Антон замочил ноги, поэтому сел перематывать портянки, а потом уверенно пошел вперед, заставляя Зоську ступать след в след. Неожиданно остановившись, так, что Зоська налетела на него, Антон признался, что находится в самоволке. Девушка испугалась, как же он вернется в отряд? Антон ответил, что теперь поздно что-либо менять. Он не может её бросить, боится за нее. Посмотрев Зоськин аусвайс, Голубин забраковал плохо приклеенную фотографию. При первой же проверке Зоську заберут с этой поддельной бумагой. Зоська не знала, что делать. Антон предложил идти вместе, он ей обузой не будет. Девушка подтвердила: «Ты обузой не станешь, наоборот!» Антон заверил, вдвоем идти надежнее. Зоська была в затруднении: как поступить. Конечно, с ним легче и спокойнее. Но в отряде Антона ждут неприятности, она же не может прогнать его, да и не хочет. Он столько успел для нее сделать! Ободрившись, Зоська двинулась за Голубиным.

Антон уверенно шел вперед, осенью он уже ходил этим маршрутом. Зайдя в лес, услышал голоса и пошел проверить. Оставив девушку на опушке, сам углубился в лес. Людей он увидел сразу, обойдя густой кустарник. В санях

сидела женщина, рядом стоял мужик, и лежала свежеспиленная сосна. Антон понял: это деревенские приехали запастись дровами. Он подошел и поздоровался, парень испугался, молодка же без страха разглядывала Антона. Разговорившись, Голубин узнал, что они везут сосну для замены старого сгнившего подруба. Молодка словоохотливо объяснила, что они поженились совсем недавно, сами из Стеблевки, она кивнула в сторону: «Вон тут недалече». Антон спросил о Суглинках, и ему указали направление, Островок тоже в той стороне. Голубин попросил хлеба, и молодка отрезала небольшой ломоть деревенского хлеба и сала, но делала это недовольно: самим мало. Антон выругался про себя: не попросишь — сроду не дадут. Подошел и третий, бородатый мужик, поинтересовался, кем Антон является? «Просто человек», — ответил Голубин. Мужик сказал, что наступили трудные времена: живут в вечном страхе. «Что же не беретесь за оружие?» — спросил Антон. Молодка рассердилась, начала защищать мужа, не способного обидеть мухи. Парень смущенно отговаривался, что он, может, надумает уйти в партизаны. Молодка раскричалась. Антон ушел, ему некогда было выслушивать семейную ссору. Голубин вспомнил, как до войны работал налоговым агентом, много ездил по району, у него была масса знакомых. Когда грянула война, прежняя жизнь разрушилась. Однажды к нему в хату постучались шестеро вооруженных людей. Среди них был его знакомый из НКВД. Они и сманили Антона в партизанский отряд, рассказав о знакомых. Теперь Антон вспоминал о мирной жизни, как о несбыточном счастье. Войне не видно конца. Может, его убьют, хорошо, если похоронят по-людски. Увидев Зоську, он окликнул девушку.

Антон разделил с Зоськой полученные от молодки хлеб и сало и с наслаждением съел свой кусок. Зоська все время беспокоилась за Голубина, уговаривала его вернуться, но он вознамерился проводить её за Неман.

Антон рассказал, что встретил крестьян, приехавших за сосной для починки избы. Зоська рассердилась: таких много, кто хочет отсидеться за чужими спинами, надеясь пережить войну. Они вышли к дороге, но днем тут было опасно. Антон повернул в лес и пошел вдоль опушки. Вскоре по дороге проехали немцы, Зоська обрадовалась предусмотрительности Антона. Однако они вскоре «упустили» большак, так как оттуда не слышалось шума. Антон пошел медленнее, Зоська, надеясь на Голубина, не думала о дороге, она опять вся промокла. Лес кончился. По рельефу местности чувствовалось приближение реки. Зоська обрадовалась, что вышли точно в положенное место. Несколько раз в детстве она видела Неман летом, обмелевший, не производящий сильного впечатления. Теперь же вид реки преобразился полностью: она раздалась от обилия воды, стремительное и мощное течение таило в себе зловещую силу. По реке шло крошево льда. Казалось, берега почтительно расступились, пропуская реку к морю. Пройдя километра два по берегу, они добрались до условной переправы, по оврагу стлался дымок. Навстречу им бросилась суетливая и злобная собачонка. Из оврага вышел Петряков, пожилой небритый мужик. Он успокоил собачонку и пригласил пришедших в землянку. Зоська и Петряков обменялись паролем и отзывом

и, пригнувшись, влезли в крохотное помещение, вырубленное в овражном склоне. Вместо окна в верхнюю часть двери был вставлен осколок стекла, стоял топчан и хорошо раскаленная печь. Петряков пригласил вошедших поближе к печке, пока Бормоту-хин пригонит лодку. Он рассказал, что вчера перевозили с той стороны возвращающихся разведчиков: двое живых, один — в дерюжке. Зоське был неприятен этот разговор. Да, шла война и людей убивали сотнями, но упоминание об убитом разведчике больно затронуло душу. Она больше всего боялась получить пулю в живот, хотя быть раненой в голову или в грудь ничуть не лучше. Зоська спросила Петрякова, почему он кашляет, наверное, застудился? Мужик поморщился, ему уже больше ничего не поможет — чахотка. Зоська смешалась, она не знала, что в таких случаях говорят, и стоит ли утешать? Наконец появился Бормотухин, с виду подросток. Он пожаловался на сильный ветер на реке, придвинулся к печке. Зоська испугалась, как же они смогут перебраться через Неман в такую погоду? Немного погревшись, подросток позвал Зоську и Антона к переправе. На пороге девушка оглянулась, пожелав Петрякову выздоровления. Антон первым вошел в лодку, помог Зоське. Девушка сидела на поперечине, обеими руками вцепившись в мокрые борта лодки. Суденышко угрожающе кренилось, когда льдины ударялись о борта, но на дно не шло и даже не черпало воду. Бормотухин уверенно орудовал веслом, то гребя, то отталкивая крупные льдины. На другом берегу Зоська едва перевела дух, но Бормотухин успокоил: «Хиба тут страшно?» Он указал безопасное направление на «дрэва» (деревья), показал, где на обратном пути искать лодку. Поблагодарив перевозчика, Антон и Зоська двинулись дальше.

Неман остался позади. Быстро смеркалось, и опять пошел снег, усилился ветер. Его порывы яростно налетали, будто старались сорвать одежду. Антон спросил, когда Зоське нужно быть в Скиделе. Она ответила, что сегодня ночью. Они никак не успевали в срок: идти было еще километров шестнадцать, что по такой погоде и без дороги — почти невозможно. Зоська рвалась в Скидель, конечно, там была её мать. Но не меньше девушки туда же стремился Антон. С некоторых пор в Скиделе поселился его старинный дружок Жорка Копыцкий. Но как он примет Антона, люди меняются, а тут война. В свое время Антон помог Копыцкому устроиться в спецгруппу, формируемую для переброски в дальний тыл к немцам. А потом пути их разошлись.

В том, что его нынешний путь так удачно совпал с заданием Зоськи, Антон склонен был видеть счастливый знак своей военной судьбы. Его беспокоила переправа через Неман, но она прошла гладко — Зоська смолчала. Голубин был уверен, что сладит с этой разведчицей. «Еще ни одна девка, на которую он кидал глаз, не увертывалась от него. Теперь Зоська стала ему необходимой до крайности, и Антон надеялся, если постарается, все задуманное им исполнится. Только бы не подвел Копыцкий».

Поняв, что до Скиделя сегодня не дойти, Антон стал подумывать о ночлеге. Ветер постепенно менял направление и теперь дул с запада. Это сулило перемену погоды, заметно потеплело, под ногами хлюпало. Весь день Антон

намеревался поговорить с Зоськой, чтобы сказать ей о самом главном, ради чего он оказался рядом с ней, но никак не мог выбрать подходящего момента. Он знал этот район неплохо: летом здесь уже бывал и мог еще долго идти, а Зоська устала. Они перебежали пустынную дорогу и оказались на пахоте. Едва передвигая ноги, Зоська брела позади. Вдали замаячил хутор, но на нем оказались полицаи, устроившие вечеринку с гармошкой. Отойдя от хутора, Антон шел быстро, не приноравливаясь к шагу девушки, — он знал, куда идет. Забытый Богом хуторок встретил их тишиной. Антон перебрался через ограду и помог Зоське. Они вошли в темные сени, а затем в хату, среди которой стоял гроб, несколько женщин сидели вокруг него. Антон опешил, стащил с головы мокрую шапку. Одна из женщин встала, нырнув бесшумно в темноту, и тотчас вернулась, подавая им хлеб и картошку в мундире: «Вот, не обессудьте на горюшко... Не обессудьте на горюшко...» Антон и Зоська снова вышли в ночь и сырость. Казалось, Антон растерялся, не зная, куда идти.

Долго, почти вслепую, шли по голой равнине поля. Зоська вся промокла, она не могла забыть картину этих женских похорон. Но как-то надо было стряхнуть с себя удручающее настроение: «У нее трудное, на несколько дней расписанное задание. Надо побывать в Скиделе, на двух хуторах, съездить в Гродно, может быть, удастся повидать мамусю. Еще надо многое успеть в жизни, зачем думать про похороны?» Догнав Антона, Зоська узнала, что они сильно отклонились от маршрута и вышли к реке Котра. Голубин сказал, что в Скидель могут попасть только к утру, но Зоське надо пройти ночью, чтобы её никто не узнал. Антон сориентировался и пошел, забирая вправо. Через четверть часа они подошли к полуразрушенной оборе (помещению для скота), в углу которой была отгорожена кубовая с сохранившейся печуркой, на которой когда-то разогревали корм и воду для скота, подогревали помещение. Антон растопил печку. Потеплело, Голубин развесил свой кожушок и куртку Зоськи. Она сняла мокрые сапоги и чулки, села на уже высохший кожушок Антона. Они перекусили хлебом и картошкой. «За помин души той бабуси», — невесело пошутил Антон. Он спросил Зоську, знает ли её мать, что дочь так близко? Девушка ответила, что мать, наверное, её похоронила, — с са- мой весны не виделись. Голубин возразил, — люди могли видеть Зоську и передать матери. Антон еще раз повторил, что ради Зоськи пошел на «самоволку», потому что полюбил. Ей никто еще не признавался в любви, было страшновато и приятно. «Знаешь, я тоже, — тихо сказала она. — Хороший ты». Антон стал её целовать, Зоська пыталась уклониться, но парень крепко держал её в своих объятиях. «Ее же сила и воля пропали, уйдя все в страх и теплое блаженство его объятий. Она лишь чувствовала, что так не надо, что они поступают плохо, затуманенным сознанием она почти отчетливо понимала, что погибает, но в этой гибели была какая-то радость, а главное, было сознание, что погибала она вместе с ним». Проснулась она вдруг от тревожного толчка изнутри и, боясь пошевеливаться, раскрыла глаз. Уже наступил рассвет, печка погасла, и в помещении похолодало. Зоське нужно было время, чтобы собраться с мыслями. Чувствовать угрызения совести было уже поздно, поразмыслив,

она утешилась единственной в её положении мыслью: с каждой девушкой это должно когда-либо случиться. Может, как-то иначе, красивее, но теперь — война. Ей шел девятнадцатый год, «чего доброго, недолго состариться в девках или, что еще хуже, погибнуть, никогда не узнав ни любви, ни мужчины». Об Антоне Зоська подумала: «он славный, видный из себя мужчина, смелый и не охальник, а в том, что произошло между ними, наверное, большая доля вины падает и на нее тоже». Ей казалось, она будет чувствовать неловкость перед Голубиным, когда они выберутся из темной оборы, Зоська поняла, что с Антоном она готова хоть на край света, особенно теперь, после этой дороги и этого ночлега в оборе.

С улицы послышался голос, понукающий лошадь. Антон резко вскочил, соображая, что происходит. Он обул сапоги и вышел за дверь. Зоська торопливо натягивала высохшие сапоги, каждую секунду ожидая команды бежать. Вскоре возвратился Антон с наганом в руке. Он сказал, что это проехали полицаи. Зоська никак не могла понять перемены, происшедшей с Антоном. Он сидел злой и подавленный, безвольно опустив руки.

Пока Зоська обувалась в каморе, Антон перебежал обору и через распахнутые ворота увидел двое саней, небыстро тащившие седоков в черных шинелях: полицаев. Испуг прошел, полицаи не обращали внимания на обору. До Антона долетали обрывки фраз: «Сталинград», «дали», или, может быть, «взяли», напрягшись, он услышал «наступление» и подумал, что немцы предприняли новое наступление на Волге. Фактов у него не было, но Антон решил спешить: надо кончать с «партизанщиной», позаботиться о собственной голове, пока она еще на плечах, и «внедряться в новую, на немецкий лад, жизнь...», раз ничего не вышло с советской. Он сообщил Зоське, что немцы взяли Сталинград, она не поверила. Это известие не смутило её. Она все так же собиралась выполнять задание. Антон стал объяснять: вероятно, скоро конец войне, если немцы укрепились на Волге. Пока Зоська бегала «до ветру», Антон раздумывал, как начать разговор и убедить её перейти к немцам.

Неожиданно появилась Зоська с побелевшим лицом: она обнаружила убитого Суровца-подрывника из их отряда, рядом еще было тело партизана, Антон забыл его фамилию, они убиты в спину — «полицейская» работа.

У Антона чувство, будто он попал в западню, как отсюда выйти, в поле его увидят за пять километров. Антон стал объяснять Зоське, раз немцы взяли Сталинград, значит, скоро конец войне, и нечего ждать, пока их в лесу не потравят собаками и не заморят голодом. «Так вот, малышка! У тебя в Скиделе мать, а у меня там, я говорил тебе, начальником полиции Копыцкий, мой землячок из Борисова. Он должен помочь. Давай остановимся у тебя. Будем жить, как люди, как муж и жена. Я же полюбил тебя, Зоська», — закончил Антон. Она подумала, что Голубин шутит, но он подтвердил, что говорит очень серьезно. Зоська считает это подлостью. Да, она совсем еще не жила, ей хочется сохранить жизнь себе и матери. Но идти к фашистам — это хуже смерти. «Тут надо потерять последнюю совесть. Они же чума двадцатого века... С ними жить невозможно, они же звери». Антон возразил, если с ними по-хорошему...

Зоська против. Антон начал сердиться. Он уверен: немцы — сволочи, но они побеждают, «и мы вынуждены с ними считаться». Зоська не верит, что немцы победили, еще не взята Москва, Урал, Сибирь... «Мы — люди. И мы никогда их не примем, даже если они и победят. Ты говоришь: нет выбора. Выбор есть: или мы, или они. Вот в чем наш выбор». Антон удивился, как девушку «на-пропагандировали». Но Зоська возразила, пропаганда тут ни при чем; у нее есть глаза и уши, она уверена в своей правоте, предложила забыть этот неприятный для обоих разговор. Антон ответил, что разговор-то забыть можно, а суть остается. Он-то думал, что Зоська его любит. Девушка ответила: «В том-то все и дело. Иначе был бы другой разговор». Она опять стала отсылать Антона в отряд, обещая, вернувшись, молчать об этом разговоре.

Голубин ответил, хватит, он честно воевал восемь месяцев, больше не хочет и ей не позволит. Он уверен: с Зоськой надо действовать решительно, меньше слушать её возражения.

Остаток дня они промолчали, стоя у притолки ворот и не сводя глаз с пустынной дороги. Зоська всплакнула, её удручала близость к убитым и «эта нелепость», задуманная Антоном. Ей хотелось жить, но способ спасения, предлагаемый Антоном, ей совершенно не подходил. Зоська лихорадочно соображала, что же делать. Идти с Антоном дальше не хотелось, да и нельзя: она провалит задание, погубит людей, поэтому стала уговаривать Антона вернуться в отряд, но он не уходил, зорко следя, чтобы она не отставала. Зоська увидела хутор и уговорила Антона зайти туда, он отговаривался — до Скиде-ля оставалось километров пять. Они подошли к хутору и, обойдя его, очутились перед хозяином. Он сказал, что посторонних в хате нет. Антон попросился обогреться, хозяин пригласил войти. В избе царил полумрак. Около растопленной печи возилась хозяйка, за стол

м мальчуган-подросток читал книгу. Антон сказал, что они вошли передохнуть. Зоська разговорилась с мальчиком о книге, в которой не хватало несколько страниц в конце. Зоська читала когда-то «Таинственный остров» и пересказала Вацеку недостающие страницы. Хозяйка накормила Антона и Зоську, похвасталась, что сын — отличник, даже показала грамоту. Зоська хотела подольше потянуть время, но Антон засобирався в дорогу. Девушка категорически отказывалась идти дальше с Антоном, она поняла: предстоит бой, но твердо решила не уступать. Как только молодые люди заспорили, хозяйка услала сына в другую горницу. Антон был озадачен. Он чувствовал себя одуроченным. Хозяев он не опасался — справится с ними при помощи оружия, но Зоська нужна ему живой, а с ней еще предстояло помучиться, он это чувствовал. Антон стал говорить хозяевам, что женка заупрямилась, но Зоська резко ответила: «Я тебе не женка!.. Врешь! Ты никогда не был мне мужем!» Антон сердился на девушку, доведшую ситуацию до скандала, который приходится улаживать при посторонних. Антон не мог идти в Скидень один — его могли принять за шпиона, нужна была такая заложница, как Зоська. Как все деловые люди, немцы обожали гарантии. «Но вот возьми её, эту гарантию,

окаменевшую в своем диком упрямстве на скамье за столом». Антон перепробовал все способы, он боялся и вовсе остаться с носом. Потребовав у хозяина веревку, томил руки Зоське за спину и связал их, ноги тоже связал. Потом потребовал у хозяина лошадь, не тащить же её пять километров на себе. Но на хуторе лошади не оказалось. Антон не поверил, пошел с хозяином проверять амбары. Хозяйку с сыном он закрыл в соседней горнице. Пока Антон и хозяин отсутствовали, Вацек открыл дверь, развязал Зоську и указал ей черный ход за печкой. Зоська выскочила в ночь и собиралась бежать к лесу, но потом подумала, что станется с хозяевами хутора. Взяв в руки топор, она притаилась за углом. Ей нужно было остановить Голубина. Увидя метнувшуюся тень Зоськи, Антон отпрянул в сторону. Топор лишь рассек кожушок на плече парня. Он недолго, но жестоко бил Зоську, она надеялась, что он её убьет. Но она нужна была ему живой: иначе как появиться в полиции Скиделя. Зоська решила, что надо умереть раньше, чем он приволочет её в Скидель. Она выхватит из-за пазухи Антона наган и убьет его и себя. Потом подумала, зачем же убивать себя — лучше его.

Антон выяснил у хозяев, где можно взять лошадь. Ближайший хутор за два километра. Антон послал туда хозяина, пригрозив: «А будешь хитрить, не приведешь коня, — сожгу хутор. Понял?» Антон дал хозяину час оська поняла, этот час времени стал мерой её возможностей. За этот час надо что-то предпринять, потом, вероятно, будет поздно.

Антон отдал хозяйке зашить прорубленный Зоськой кожушок, а сам >пчане. Наган он затолкал в карман, оттуда Зоське его уже не достать — «вся задумка её пошла прахом». Зоська попыталась пошевелиться, привалиться к стене, Антон запретил, опять перевязал её. Она назвала Антона предателем. Он возразил: кто его вынудил на это? Он не собирался её предавать. «Я хотел с тобой жить. Как полагается, по-людски.

А ты предателя из меня делаешь». Зоська ответила, пусть предает. Не первый, один уже подавился тридцатью сребрениками. Но Антона, казалось, не трогали древние аналогии.

Он ругал Зоську за неблагодарность. Она хотела его убить, а он ей два дня помогал, без него она бы пропала. Антон был отчасти прав, но ведь она не просила его помощи. Теперь Антон надеялся ценой её жизни купить свою. Зоська горько подумала, что лучше бы ей тихо утонуть на Щаре, чем испытать столько переживаний и еще предстоящих мучений.

Антон изредка поглядывал на Зоську, думая, пусть пропадает, если такая дура. Много ли нашлось бы в отряде мужчин, которые ради такой соплячки зтали бы рисковать головой, спасти её от войны. А вот он решился, ушел из отряда, провел её сквозь осиные полицейские гнезда, оберегал, согревал. А она? Чем за все это отплатила? Ее так и так бы схватили немцы и вытрясли бы все нужные им сведения. Так пусть же она послужит ему, спасет теперь его жизнь. Конечно, совесть его мучала, но он постарался не прислушиваться к своим мыслям: «Если прислушиваться к совести, скоро откинешь копыта». Хозяина все не было, Антон спросил у хозяйки: «Твой куркуль не сбежал?» Та ответила, что не сбежит, а приведет коня.

Зоська и не заметила, как задремала, скорчившись на холодном полу. Она чувствовала тревогу, не понимая её причины. Во сне перед ней расстиралось весеннее зеленое поле с белой колокольней костела. Она не ощущала себя физически, но знала, что существует, кто-то добрый должен был вот-вот появиться перед ней. Зоська знала, с ним надо держаться почтительно. Кругом были люди, они тоже ждали «его». Вдруг Зоська увидела, что она легко и свободно парит над толпой, потом отяжелела и стала резко снижаться. Люди бежали за ней, пытались схватить её длинными ухватистыми руками, она, стараясь увернуться, замахала руками, постепенно превратившись в черные крылья птицы. И сама Зоська превратилась в птицу. Но крылья не помогли ей взлететь, она оказалась на земле, в огромном сугробе среди снежного поля. Потом она вроде бы отделилась от птицы и увидела её со стороны, распластанной на снегу. Птица умирала, и вместе с ней в безысходной тоске, казалось, умирала Зоська.

Но нет, она не умерла, проснулась с сознанием, что ситуация изменилась. Антон открыл входную дверь, в которую ввалился хозяин и за ним еще трое вооруженных людей. Сержант приказал одному из пришедших обыскать Антона. Голубин испуганно оправдывался, что он свой, «из Суворовского...». Вошедшие обернулись на Зоську. Она поняла, что они из Липичанской бригады. Антон сказал, что она тоже из Суворовского, а связал её потому, что Зоська хотела перекинуться к немцам. «Врешь», — содрогнувшись, закричала девушка. Один из пришедших узнал её, даже назвал имя. Зоська возразила, что это Антон хотел предать, хозяин может подтвердить. Но хозяин мало что понял в ругани Зоськи с Антоном и не знал, кто говорит правду. Зоську развязали. Теперь связали руки Антону, накинули полушубок и повели с хутора. Зоську тоже взяли с собой. Она отговаривалась заданием, но её не отпустили, а пригрозили «шлепнуть». Ей ничего не оставалось делать, как покорно идти по снежному полю: её неожиданные спасители куда-то торопились. Сержант несколько раз приказывал: «Салей, шире шаг!» Зоська поняла, что они удаляются от Скиделя в сторону Немана, но что она могла сделать, её вели как арестованную, даже не объясняя — куда. На её стороне была правда, и, кажется, появился заступник, вот этот проворный толстячок Паша, который её где-то видел и знал по имени. А между тем совсем рассвело. Антон спросил о положении на фронте. Ему ответили, что «Сталинград дал немцам в зубы, поперли немцев под Сталинградом». Антон удивился, значит, немцы ввали, что взяли Сталинград. Сержант ответил, что «подавились немцы Сталинградом, на шестьдесят километров их отбросили. Фронт прорван, и русские наступают». Зоська молчала, её душа ликовала от этих известий. Сержант приказал остановиться в кустарнике, отправив Салея в разведку. Сержант и Паша стали есть. Зоську не интересовала еда, она думала, как вырваться из-под опеки этих людей.

Антон был оглушен услышанным. Может быть, он должен благодарить Зоську за её спасительное упрямство, попытаться помириться с ней. Новый поворот в войне вынуждал Антона пересмотреть свои прежние решения, перестроиться в соответствии с новыми обстоятельствами. Надо было как-то уговорить партизан развязать ему руки. Его могла выручить только Зоська.

Салей все не возвращался. Сержант поднялся из оврага наверх и позвал к себе остальных. На середине склона Антон поскользнулся и упал. Подниматься со связанными руками было почти невозможно, все же он кое-как выбрался, оставляя на снегу кровавый след. Зоська подошла и отерла кровь с подбородка Антона, но сделала это так безучастно, как обременительную обязанность. Вернулся Салей, доложил, что Серого взяли, через березнячок не пройти — там облава. Полем тоже нельзя — из деревни увидят, можно попытаться пройти вдоль «чугунки», если ползком, через насыпь не увидят. Партизаны о чем-то начали тихонько совещаться, кажется, они хотели расстрелять Антона, представлявшего для них определенную опасность. Голубин испугался, стал объяснять, что восемь месяцев воюет против немцев, он свой: они не имеют права устраивать самосуд. Сержант возразил, не тащить же Антона на себе. Голубин сам в состоянии ползти, только ему следует развязать руки. Он обратился за помощью к Зоське: «Скажи им: я не враг! Ты же знаешь, я честно воевал и честно воевать буду. Мало ли что между нами случилось! При чем же тут они? Скажи, Зося!» Зоська молчала, а Антон униженно просил её заступиться, ведь его хотят расстрелять. Зоська промолвила, что он свой, его не надо убивать. «Я со зла!» Антона развязали, но оружия не дали. Зоська опять сделала попытку отпроситься в Скидель, но и на этот раз ей отказали. Она припугнула, что партизаны срывают её задание. Сержант решительно возразил: «Вы сами сорвали свое задание», — и двинулся вперед. Он шел первым, за ним — Паша, Антон, Зося, замыкающим был Салей. Сержант приказал ему стрелять в Антона, если тот попытается убежать. Зоська едва подавляла в себе раздражение: приходилось идти неизвестно куда, её охватывала тревога за невыполненное задание. «Она давно упустила все сроки, нарушила всякий порядок, напутала и все осложнила до крайности. Она раскаивалась, что заступилась за Антона, вероятно, без него было бы легче, он заслужил, чтобы его расстреляли. Но в судьи ему она не годилась, она вообще никому не годилась в судьи, потому что во многом сама была виновата». Она решила не вмешиваться в малоприятное дело Голубина. Вот придут в отряд и пусть тогда его судят. На это есть люди поумнее и решительнее её.

Между тем группа двигалась довольно быстро, идти было легко, но лес вскоре кончился. Надо было пробежать открытым полем до насыпи «чугунки». Пробежав открытое пространство, они залегли у насыпи, потом примерно километр преодолели пригибаясь и короткими перебежками. Насыпь становилась все ниже и ниже, почти вровень с землей. Дальше пришлось ползти. Зоська быстро промокла, но не ощущала холода, едва поспевая за мелькающими впереди сапогами Антона.

Вдруг последовала команда: «Быстро! Вперед!» Зоська старалась не отставать от Антона и все-таки отставала. Ее перегнал Пашка. Она ожидала, что сейчас обгонит и Салей, но он упорно держался сзади. Зоська понимала, надо ползти быстрее, но не могла.

Слева показалось несколько саней с седоками, едущих наперерез «железке» и ползущим. Пока они не видели партизан, но скоро увидят. Зоська замерла,

пока не услышала окрик Салея: «Бягом! Бягом, ты не видишь?!» Она кинулась за уходящими к сосняку сержантом, Пашкой и Антоном. Теперь самое страшное для нее было отстать от остальных. Послышались выстрелы. Она упала, но тут же вскочила и бросилась вперед. Потом все опять залегли в канаве. Немцы бежали к лесу, пытаясь отрезать партизанам спасительный путь. Сержант скомандовал: «Вперед!» — и все побежали, через некоторое время опять залегли, отстреливаясь от наседавших немцев и полицаев. Теперь необходимо было перескочить рельсы и бежать к спасительной роще. Зоська почти добежала до соснячка, собираясь перескочить канаву, как её голову задела пуля. Зоська не упала, а продолжала вяло бежать дальше. Сзади кто-то стрелял. Она оглянулась и увидела бегущего с винтовкой Антона. Пробежав шагов двадцать, Голубин опять оглянулся и выстрелил. Зоська ужаснулась: их нагоняли полицаи. Сержант с Пашей куда-то исчезли; Антон перегнал Зоську и скрылся в сосняке. Она устремилась туда же. Теперь Зоська надеялась на Антона. Полицаи, кажется, отстали. Она брела по следам Голубина, чтобы он её перевязал. Сама она сделать этого не могла. Вскоре он окликнул Зоську.

Антон подождал Зоську — а что ему оставалось делать, не бежать же вдогонку за этим баламутом — сержантом. Теперь Антону никто не был нужен. Он добыл винтовку убитого Салея, но, увидев вышедшую на опушку раненую Зоську, сжалился над ней. Сзади слышались голоса преследователей. Антон увлек Зоську дальше. Они добежали до окраины роши. Бинта у Антона не было, он оторвал полоску от своей нательной рубахи и перевязал рану Зоськи, испытывая «чувство жалости и почти непреодолимой брезгливости». Полицаи наконец-то отстали. Антон помог Зоське встать, с короткими остановками они перешли поле и углубились в следующую рощу. Зоське было тяжело, но она упорно шла вперед. Антон давно не узнавал местности, идя наугад. Впереди в поле маячило одинокое дерево, очертаниями напоминающее стожок... Сквозь снегопад впереди замаячила деревня. Подойдя к дереву, Антон остановился. Это была груша-дичка, роскошно раскинувшая крону почти до земли. Тут же были навалены камни, собранные с поля. За ними можно было укрыться от ветра. «»Вон деревня, видишь?«- кивнул он Зоське, когда она притащилась к дереву». Зоська ответила, что это Княжеводцы, здесь она была летом у подруги. Антон обрадовался, будет где спрятаться. Пока же следовало переждать до темноты. Он вывернул огромный камень, и Зоська села. Антон спросил, что они будут делать дальше, но она промолчала. Голубин сердился на себя, что поторопился, выжди он еще два дня, узнал бы о победе под Сталинградом. Он опять подумал, может быть, Зоська спасла его от опрометчивого шага, спросил девушку, где живет её подруга? Если с этого конца, можно попытаться пройти сейчас, не дожидаясь вечера. Зоська поинтересовалась, разве он не в Скидель собирается? Антон ответил, что ему надо возвращаться в отряд. Зоська удивилась перемене планов Антона. Он объяснил, что в связи с победой под Сталинградом ход войны меняется. Антон возвращается к привычной для него жизни. Вот только надо помириться с Зоськой. Он просил её не сердиться. Пообещал, что они еще

поладят. Но Зоська категорически ответила: «Нет уж, мы не поладим». Антон попросил Зоську написать командиру, как он помогал ей, прикрыл группу, переходящую железку. Зоська удивилась, зачем писать, разве он её хоронит? Она еще надеется вернуться в отряд. Антон возразил, что, пока она вернется, его могут...

Стало темнеть. Он помог Зоське подняться, направляясь к деревне. Но она его остановила: она пойдет одна. А он пусть отправляется за Неман. Антон зло спросил: «Не доверяешь?» — «Не доверяю». Антон был обижен.

Он ей помогал в пути, спас на «железке», не бросил раненую, а она так враждебно настроена к нему. Придя в отряд, она все там выложит про его разговоры, и ему несдобровать. Антон попросил Зоську не рассказывать, что он хотел с нею в Скидель. Но она возразила: «А что я вместо скажу? Что проспала с тобой ночью в оборе, что не дошла до Скиделя, потому что заночевала на хуторе? Что провалила это задание, доверься тебе? Что круглая дура, идиотка и преступница, которую только под суд?»

Да, перспектива открывалась перед Антоном, надо сказать, незавидная.

Он обиделся, она хочет выгородить себя, потопив его. Зоська возразила, её погубила собственная доброта. Антон сказал, что он же не враг. Зоська уверена, бывают свои хуже врагов. Антон от этих слов затрясся в гневе.

Он помнил содеянное им добро, за которое она старалась отплатить злом.

Он обругал её. Зоська с трудом поднялась и пошла к деревне.

Он с ненавистью смотрел ей вслед. Закинув ружье за спину, собрался шагать за Неман. Отныне пути их расходились. «Он прошел десяток шагов от груши и в растерянности остановился, пораженный новой мыслью: а вдруг ей повезет? Она разыщет в деревне знакомую и расскажет обо всем происшедшем. Рано или поздно об этом станет известно в отряде...» Нет.

Он этого не может допустить. Антон окликнул Зоську, но она не остановилась. Он вскинул винтовку, прицелился и плавно спустил курок.

Зоська упала и темным пятном лежала на снегу. Он перезарядил винтовку, но второго выстрела, наверное, не требовалось. К тому же последний патрон мог еще пригодиться. Антон решил, что так будет лучше.

Зоське было очень плохо, болело в боку и трудно дышать. Она не могла понять, что с ней случилось, лишь ощутила, что умирает, и вся встrepенулась в испуге.

Главное было сделано, она поняла грозящую ей опасность и набралась решимости противостоять ей. Она очень боялась смерти и хотела жить.

Зоська поняла, что лежит на снегу и умирает, её засыпает снег и скоро всю засыплет, поэтому она двинула одновременно руками и ногами и потеряла сознание. При следующем проблеске сознания Зоська вспомнила, что шла в деревню, а Антон выстрелил вслед. Она не хотела плакать, но слезы сами лились из глаз. Она собрала остатки сил и медленно поползла вперед.

Ползла долго, казалось, целую вечность, теряла сознание и вновь приходила в себя. Ее сильно мучала боль в боку. Зоська стремилась доползти, чтобы рассказать людям об этом перевертыше — Антоне Голубине. Иначе он вернется в отряд, вотрется в доверие и снова предаст в удобный для него момент. «Предать, обмануть, надругаться ему ничего не стоит, потому что

для него не существует моральных запретов, он всегда будет таким, каким его повернут обстоятельства. А обстоятельства на войне — вещь изменчивая, такой же скользко-изменчивый по отношению к людям будет Голубин».

Зоська не была уверена, что хватит сил добраться до людей, но только они могли помочь ей. Было бы ужасно по отношению к себе, матери, к товарищам, пославшим её из леса, пойти и не вернуться, как не вернулся с задания их прежний командир Кузнецов, не вернулась группа Суровца, не вернется убитый на «железке» Салей, да и мало ли еще кто. Нет, она должна собрать все силы, не поддаться смерти и вернуться к своим. Зоська испугалась, вдруг вернется Антон, чтобы добить её. Почему он не прикончил её сразу, или посчитал убитой? Или торопился уйти? Она наконец добралась до ограды, пытаюсь её преодолеть, выломала жердь и стала ею стучать, где-то залаяла собака. Зоська обрадовалась, её могут услышать, и потеряла сознание.

Навсегда расставшись с Зоськой, Антон почувствовал облегчение, словно свалил с плеч огромную заботу. Теперь не было свидетелей его слабости, он опять чист, честен, безгрешен в отношении к Родине, людям и своим товарищам. Убив Зоську, он не чувствовал угрызений совести: сама виновата, погибла через свой дурацкий характер. Антон шел по лесу, едва продираясь сквозь колючий сушняк. Эту глухомань следовало обойти, он повернул назад, но всюду наталкивался на непроходимые заросли, потом едва продрался на опушку. Идя по полю, Антон придумал, как объяснит свою трехдневную отлучку: ходил в деревни, пытался разжиться обувкой: сапоги совсем развалились. Он не раз предупреждал командира взвода, но тот не реагировал. А какой из него партизан зимой без обуви? Не доложил же начальству, потому что его бы не отпустили. «Авось не расстреляют». Остановившись отдышаться, Антон увидел, что он уже проходил здесь с Зоськой, впереди виднелась знакомая груша. Если идти скорым шагом, дорога займет минут двадцать. Он не понимал, зачем ему надо было идти туда, стало почти необходимо еще раз побывать на том месте, взглянуть на мертвое тело Зоськи и с облегченной душой двинуться за Неман. Антон обежал все поле, но девушки не было. Он наткнулся на едва заметный след, она уползла. Он понял, что не убил, а только ранил Зоську, рассердился на себя за то, что пожалел патрон и погубил свою жизнь. Куда же ему идти? Путь в отряд ему заказан. За тридцать лет жизни Антон не привык признавать себя виноватым, всегда готов был обвинить других. В данном случае поперек его жизни роковым образом встала партизанская разведчица Зося Нарейко — виновница всех его бед.

Почти машинально Антон брел на тот польский хутор, где так неудачно провел последнюю ночь с Зоськой. Он учтет свой опыт и не выпустит никого с хутора, пока сам не уйдет. Он ослаб и чувствовал, что засыпает на ходу, кроме этого еще и сбился с пути. Потом огляделся и понял, что находится близ оборы, где накануне переночевал с Зоськой. Вокруг не было видно человеческих следов, он вошел в темноту и прилег на солому: хорошо бы хоть немного подремать, двадцати минут ему бы хватило, чтобы снять отупение.

Антон подумал, как все изменилось за двое суток. Еще недавно была рядом Зоська, с ней он связывал свои, пусть призрачные, но надежды на будущее. Потом они разошлись врагами. «Жить на этой земле вместе с Зоськой сделалось невозможным». Он никак не мог понять, почему попал в зависимость от этой соплячки? Разве она сильнее, умнее или более приспособлена к этой войне? Ведь после своего ранения она уже дышала на ладан, одной ногой стояла в могиле, и он лишь тихонько толкнул её. И тем не менее она выжила, где-то укрылась, и по-прежнему власть над его судьбой находится в её руках. Потом он задремал, казалось, на пять минут. Его разбудила беззлая ругань и понукание лошади. Антон выскочил из кубовой и в проеме ворот увидел сани, направляющиеся в Скидель. В них на коленях стоял мужик, понукая рыжую, с облезлыми боками лошадь. Антон окликнул мужика и, подозвав к себе, спросил хлеба. Мужик отрицательно мотнул головой. Он едет в Скидель за доктором, сам из Княже-водцев, где нет ни полицаев, ни партизан. Антон поинтересовался, для кого мужик повезет доктора? «Для дочки Але...» — ответил тот. Антон, не давая старику опомниться, спросил: не для Зоськи ли Нарейко из Скиделя? Мужик был так напуган, что не мог ничего ответить. Антон понял, что судьба дает ему еще один шанс. Он закричал, чтобы мужик срочно вез его в Скидель. Главное дело сейчас для Антона — успеть. Зоська полностью положила на людей, пришедших ей на помощь. Ее перевязали, спросили, кто её ранил, но не было сил ответить. Ей дали молока. Зоська в бреду представляла себя маленькой, она болела, мать так же ухаживала за ней, пила молоком. Зоська не может умереть, ведь она не оставит свою маму одну. Мама — главная радость её жизни, так же как и она для мамы. Люди говорили, что лицом и характером Зоська вся в мать. Потом девушка услышала разговор и слово «доктор», опять накатились воспоминания детства: праздничный стол, она живет в ощущении скорой радости. Очнувшись, Зоська видит над собой небо и понимает, что её везут на санях. Тот же голос, что предлагал молока, успокаивает Зоську: «Ничего, девчатка, все будет хорошо. Перепрячем тебя в хорошее место, как-нибудь очуняешь. Молодая еще, жить будешь, деток родишь. Не век же этой проклятой войне продолжаться», — как свежий родничок в летний полдень, обнадеживающе звучит рядом, и Зоська благостно успокаивается под теплым кожушком. А вот, в самом деле правда: страшное позади, и она как-нибудь выкарабкается из своей беды.

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).